

ПОНИМАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ

— Мы основали Нарнию,— сказал Аслан.— Теперь наше дело ее беречь... Миру этому пять часов отроду, но в него уже проникло зло.

Клайв Стейплз Льюис
«Хроники Нарнии»

«Истина заключается в том, что история — штука куда более сложная, чем обычно думают» (У. Уолш). О многих трудностях, встающих на пути исторического познания, уже сказано. О многих, но не о всех. И не о главных. Установлены источники. Оценена их достоверность. Уяснены факты. Преодолены терминологические барьеры. И что же? «Поля истории усеяны грудями камней, кое-как отесанных. Камни эти ждут толкового архитектора» (Л. Февр). Основные проблемы впереди, проблемы понимания исторического процесса, выявления связей между событиями и фактами, их объяснения и истолкования.

Анахронизмом звучит сегодня внушительная фраза, составленная Леопольдом фон Ранке: «Историю наделяли обязанностью судить прошлое, учить настоящее ради блага будущего. Данный труд не вдохновлен столь высокими помышлениями; он хочет только одного — показать, как это было на самом деле». Однако историк стремится знать не только «как это было на самом деле», но и почему так было, с чем это связано и почему не произошло иначе. Он пытается выявить факторы, определявшие движение истории, открыть ее смысл, направление, цель. Историк хочет объяснить прошлое.

Историография XX в. по духу — если не по букве — концептуальна. В основе разграничения ее направлений и школ — фундаментальные историософские различия, различия исходных принципов понимания и объяснения исторического процесса.

Состояние современной отечественной исторической науки, часто характеризуемое (по-видимому, не совсем точно) как кризисное, подтверждает сказанное. В ее недрах

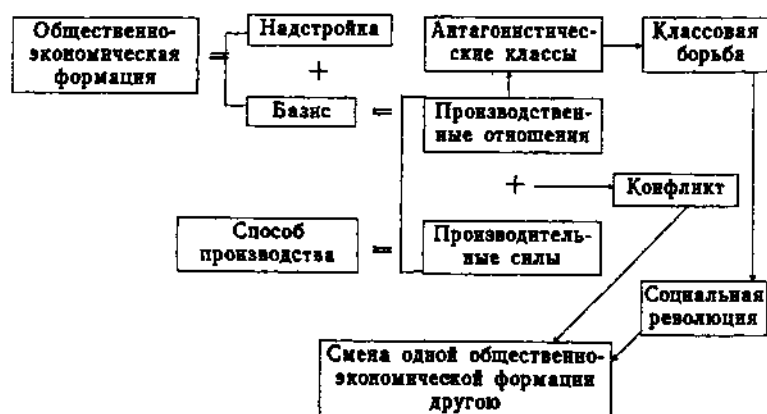
происходит сложнейший, болезненный процесс смены историософских парадигм, их обновления, пересмотра и ломки. Вектор поисков обозначен достаточно четко: разработка цивилизационного подхода к познанию исторического прошлого, выяснение его соотношений с традиционным для нашей историографии формационным взглядом на исторический процесс, с одной стороны, и принципами анализа, развиваемыми в русле «новой исторической науки», с другой.

Экономически детерминированная история (формационная теория исторического процесса).

Отечественная историография 20—80-х гг. XX столетия являлась марксистской, она опиралась на методологию, детально разработанную во второй половине XIX в. К. Марксом и дополненную Ф. Энгельсом. Важнейшим постулатом марксистской методологии истории может быть признана идея, согласно которой экономические потребности людей независимо от их воли и желания в конечном счете определяют тенденции социального развития, что экономика детерминирует социально-исторический процесс.

Данная концепция исторического развития, в конце 30-х гг. закованная в броню догматизировавших марксизм положений «Краткого курса истории ВКП(б)» И.В. Сталина, в течение ряда десятилетий была единственно признанной в нашей стране.

В максимально упрощенном виде эта концепция может быть представлена нижеследующей схемой:

1. Ключевое понятие марксистской историографии — категория общественно-экономической формации, которая понимается как исторически определенный тип общества, рассмотренный в органической взаимосвязи всех его сторон и сфер.

2. Структура формации определяется существованием базиса и надстройки. Базис представляет собой основу формации, детерминирует формационный тип. Базисом называют совокупность общественных отношений, характерных для того или иного способа производства: отношения собственности на средства производства, отношения, связанные непосредственно с самим производством, отношения, возникающие при распределении, обмене и потреблении произведенного продукта.

Социальные отношения, выходящие за пределы экономических, относят к области надстроечных. Надстройка представляет собой совокупность политических, правовых, идеологических, религиозных и иных взглядов, учреждений и отношений.

3. Характер базиса определяет тип надстройки, которая, в свою очередь, может оказывать обратное влияние на базис.

4. Производственные отношения, характерные для данного базиса, являются частью способа производства — неразрывного единства производительных сил и производственных отношений. Если производственные отношения определяют тип социальных связей, возникающих в процессе производства, то производительные силы характеризуют отношения человека и общества к природе, приспособление которой к общественным потребностям составляет важнейшее содержание производства.

5. Взаимодействие производительных сил и производственных отношений имеет характер определенного закона. Подвижно изменяющиеся производительные силы обгоняют относительно статичные производственные отношения. Их несоответствие приводит в конечном счете к конфликту, являющемуся объективной основой социальных революций.

6. Социальная революция представляет собой высшую форму классовой борьбы, обязательного атрибута обществ, основанных на частной собственности и социальном неравенстве классов. Ф. Энгельс называл теорию классовой борьбы и социальных революций «великим законом движения истории», «ключом к пониманию истории».

7. Исторический процесс есть не что иное, как процесс смены общественно-экономических формаций, общих для всех или многих народов. К. Маркс выделял пять формационных типов: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, буржуазный, коммунистический. Кроме того, им признавалось также существование так называемого «азиатского способа производства».

Сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы выделить две важнейшие характеристики марксистского видения исторического процесса. Во-первых, это взгляд на общество как на сложную систему находящихся в непрерывном взаимодействии элементов, систему подвижную, закономерно развивающуюся в пространстве и времени. Во-вторых, это обоснование возможности объяснения и анализа общества на основе детерминистского принципа «выведения» всей структуры социальных отношений из отношений собственности, производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

По мнению многих историков различных школ и направлений, принцип системного анализа общества, предложенный марксистской теорией, был одним из важнейших ее достижений, ее вкладом в развитие теории исторического процесса. Что касается экономического детерминизма, то он отвергается большинством исследователей как ведущий к упрощению реальной многомерной действительности и придающий самой теории элементы телеологизма.

Приведем слова Фернана Броделя, крупнейшего представителя школы «Анналов»: «Гений Маркса состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной перспективе». Но, отмечал Ф. Бродель, «мы больше не верим объяснению истории на основе того или иного доминирующего фактора. Не существует односторонней истории».

Влияние марксизма на историографию XX столетия было чрезвычайно сильным. И это не может быть объяснено лишь политическими или идеологическими причинами. Дело в том, что формационный подход дает неплохо работающую социальную модель, которая позволяет изучать общественное развитие «сквозь призму действия факторов объективных, от человеческой воли и сознания независимых» (М. Барг); устанавливать определенную периодизацию истории общества, понимать исторический процесс как законосообразную последовательность сменяющих друг друга этапов, выявлять генетические и причинные

связи между ними; изучать взаимодействие между странами и народами, находящимися на разных уровнях развития.

В то же время следует помнить о том, что данный подход, как и любой другой, не является абсолютным, имеет определенные границы своего применения, не действует при исследовании всего спектра общественных отношений. Дело не только в том, что история многих народов и регионов не подтверждает гипотезу о всеобщем, универсальном характере исторического процесса как процесса смены общественно-экономических формаций. Экономически детерминированная история плохо справляется с проблемой «увязки» социологической схемы, ориентированной на макроуровневый анализ исторического процесса, и результатов конкретно-исторического изучения отдельных явлений, процессов и событий. Время экономических изменений течет медленнее времени политических и других «надстроечных» событий. Ритм и периодизация процессов, происходящих в других сферах жизни человеческого общества, не совпадает с периодами экономических изменений. Авторы теории не раз подчеркивали, что экономика лишь в конечном счете определяет жизнь людей и общества. Вопрос в том, возможно ли в принципе с достаточной степенью корректности измерить это детерминирующее влияние. Масштабность, степень обобщения материала при формационном подходе таковы, что события и процессы, происходящие на «мега» и «микроуровнях», просто «невидимы» для исследователя. Всякий раз возникает ситуация, подобная той, что была описана Гегелем, размышлявшим о соотношении абстрактного и конкретного в процессе познания. «Эй, старая, ты торгуешь тухлыми яйцами», — сказала покупательница торговке. «Что? — вспыхнула та. — Мои яйца тухлые? Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить про мой товар? Да сама ты кто? Твоего папашу вши заели, а мамаша твоя с французами амуры крутила! Ты, у которой бабка в богадельне сдохла!..» — Короче, она ни капельки хорошего не может допустить в своей обидчице. Она и мыслит абстрактно — подытоживает все... исключительно в свете того преступления, что та нашла яйца несвежими».

Кроме того, жесткий детерминизм — вольно или невольно — отодвигает на второй план субъекта истории, человека и человеческую деятельность. По-видимому, это неизбежное следствие применения принципов, лежащих в

основе концепции и заставляющих пренебрегать, при конкретном анализе известным предостережением самого К. Маркса: «История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека».

Все сказанное устанавливает пределы использования формационного подхода в конкретных исторических исследованиях. В этих пределах способ объяснения исторического процесса, предложенный К. Марксом, вполне действенен и дает интересные результаты. В качестве же универсального способа изучения истории во всем многообразии ее проявлений историческая теория марксизма рассматриваться не может.

«Новая историческая наука» (социальная история, антропологически ориентированная история).

Экономически детерминированная история, как уже было отмечено, долгие десятилетия безусловно преобладала в отечественной историографии. Она победила в 20—30-е гг. XX в., и ее торжество было неоспоримым в территориальных границах нашей страны. В те же годы начала свои «бои за историю» и школа «Анналов», стоявшая у истоков того, что принято сегодня называть «новой исторической наукой». Начала не без влияния марксизма (прежде всего его системного подхода к анализу общества) и с чувством глубокой неприязни к традиционной истории — той, что «романизирует жизнь Марии Стюарт, «проливает свет» на галантные похождения шевалье д'Эона... в течение полувека исследует два последних сегмента четвертой пары чьих-то конечностей», истории «попугайской и безжизненной» (Л. Февр).

Временем победы «новой исторической науки» обычно называют 70-е гг. XX в. (К. Лукас). Сегодня, впрочем, больше пишут о трудностях и проблемах, встающих перед исследователями-победителями. Их торжество оспаривается — и в этом доказательство жизненной силы самой науки истории, не желающей абсолютного господства абсолютной теории.

Школа «Анналов», как и «новая историческая наука», никогда не отличалась жестким единством мнений разделявших ее идеи и цели историков. Не была она строга и в требованиях неукоснительного следования согласованным общепринятым принципам. Упрек в эклектизме исходных позиций и конечных выводов — один из упот-

ребительных в арсенале критиков. Описать присущие сторонникам «новой истории» представления, не исказив их, крайне непросто. Остается поэтому только прибегнуть к единственно возможному, не претендующему ни на полноту, ни на точность перечислению наиболее существенных особенностей исследовательских подходов историков.

«Экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая, во всей своей целостности, история, которая является социальной в силу самой своей природы» (Л. Февр). Точнее важнейшее исследовательское кредо «новой исторической науки» не сформулировать.

События политической истории или дипломатических отношений, действия лидеров или конфликты государств, войны, восстания, сражения, казни сами по себе не являются объектом исторического познания. Прошлое, человечества должно исследоваться как целостность всей совокупности социальных отношений, формирующихся под воздействием множества факторов, влияющих на жизнь человека. Это факторы экономические, географические, климатические, демографические, духовные, социально-психологические. Все, что имеет отношение к человеку и его деятельности, подлежит изучению историка, ибо здесь заключены «источники жизни» (Ф. Бродель) общества.

Идея глобальной, или тотальной, истории, по убеждению ее сторонников, подразумевает стремление к синтезу взаимодействующих и взаимопересекающихся материальных, природных, хозяйственных, социокультурных, психологических воздействий, определявших жизнь человека в его историческом прошлом. Реализация этой идеи потребовала пересмотра всего исследовательского инструментария историка, введения принципиально новых понятий и категорий, позволяющих выразить новые представления об истории и формах ее движения. Ключевыми и наиболее известными из них, бесспорно, должны быть признаны понятия «большой длительности» и «ментальности».

Глубокое влияние на разработку первого оказали фундаментальные исследования Ф. Броделя, прежде всего работа «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», опубликованная в 1949 г. Предложенный Ф. Броделем способ объяснения и анализа исторического процесса произвел «подлинную революцию» (Л. Февр).

Историческая реальность, заключенная в определенные пространственные («средиземноморский мир») и времен-

ные («эпоха Филиппа II») границы, была рассмотрена им как сложная структура, целостность которой определяется взаимодействием множества процессов, происходивших в выделенных историком слоях этой структуры. Три большие раздела книги соответствовали трем слоям исторической действительности, анализируемой Ф. Броделем. Первый раздел посвящен описанию структур, второй — конъюнктур, третий — событий.

Событийный уровень — традиционная история войн, переговоров, сражений, биографий — не представляет собой интереса для историка. Ф. Бродель включил ее в свой капитальный труд после долгих колебаний и размышлений скорее из уважения к традиции и в силу привычки. События — «лишь пыль», «краткие вспышки», которые «порой озаряют другие пласты действительности». Но миг проходит, и «тьма побеждает», реальность прошлого остается столь же непонятной и столь же таинственной.

Второй слой — конъюнктурный — может быть описан в понятиях процессов, происходящих в определенный, достаточно длительный, но доступный измерению промежуток времени. В «средиземноморском мире» это движение цен, колебания спроса и предложения, торговая конъюнктура, социальные подвижки, совершенствование военной техники, противоборство экономических тенденций, состояние финансов. Этот слой, конечно, подлежит изучению историка, но не исчерпывает его интереса к познанию прошлого.

Первый слой исторической реальности — вот главное! Вот к чему должны быть приложены исследовательские усилия историка — и только историка, ибо представители любой другой науки здесь бессильны. Структуры, собственно, и есть тот мир, где разворачивается «история людей в их тесной связи с землей, которая держит их на себе и питает». Это географическая среда, горы, равнины, острова, складки рельефа местности, торговые пути, существующие с незапамятных времен, традиционные занятия людей. Это — «геоистория», нечто «более значительное, чем история отдельных обществ и даже цивилизаций».

Внимание историка приковано к структурам почти неподвижным, находящимся вне времени, или, точнее, во времени, кажущемся застывшим. Во времени «большой длительности», говоря словами Ф. Броделя и его после-

дователей. Только «большие длительности» позволяют видеть историю как «панораму всего человечества» с развертывающейся на ней «игрой цивилизаций».

В самом широком смысле «большая длительность» и есть сама история. Только она позволяет приблизиться к пониманию конкретных, постоянных, повседневных основ жизни человека и общества. У Ф. Броделя понятие «большой длительности» тесно связано с понятием «цивилизации», для которой обязательна не только «общность в пространстве», но и «непрерывность во времени». «Большая длительность» позволяет, по убеждению историков, видеть в цивилизации нечто большее, чем преходящий комплекс культурно-исторических или социопсихологических особенностей народов и регионов. Это то, что «не умирает и не рождается», что почти неподвижно, что жизнеспособнее всех других реальностей истории. Именно поэтому историк должен помнить о специфике течения и измерения времени: реальность прошлого, сумма взаимодействующих структур, систем и слоев живет в разных потоках времени — стремительных изменений и почти незаметного движения. Последнее дает ключ к пониманию прошлого на основе постоянства и непрерывности его развития.

Понятие «ментальности» появилось в арсенале историков «новой исторической науки» благодаря работам М. Блока и Л. Февра, но популярность приобрело позже. Сегодня это слово можно услышать не только от историка или философа, но и от политического деятеля или хозяйственного руководителя. Между тем понятие ментальности остается одним из наиболее расплывчатых терминов, плохо поддающихся жесткому определению.

Воспользуемся пояснением французского историка Жоржа Дюби, усилиям которого, в частности, «новая историческая наука» обязана утверждением понятия ментальности. По его словам, «это система (именно система) в движении, являющаяся предметом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей... Все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений... как и от экономических факторов».

Ментальность мыслится как мир веры, символов, культурных образцов, устойчивых стереотипов восприятия, часто не осознанных полностью, потаенных от самих их носителей (А. Я. Гуревич). Этот мир реален и объективен, он подчинен току времени «большой длительности». Это одна из тех устойчивых, непрерывных и малоподвижных структур, которая, наряду с окружающей природой, экономической и социальной организацией, составляет необходимую предпосылку исторической действительности.

Введение категории ментальности позволило историкам осуществить казавшееся невозможным: увидеть мир прошлого глазами самой эпохи. Исследовательский горизонт исторической науки был тем самым существенно расширен.

Понятно, что реализация данной исследовательской программы с неизбежностью потребовала признать, что, во-первых, история, замкнутая в себе и не обогащенная методами, категориями, открытиями других социально-гуманитарных научных дисциплин, окажется не в состоянии вести анализ на необходимом уровне проникновения в толщи многослойной реальности прошлого и, во-вторых, история, отвергающая творческую активность ученого и отводящая ему роль пассивного собирателя фактов, останется наукой, в которой «вообще ничего нет» (Л. Февр), «глупой историей» (П. Шоню).

Отсюда и акценты, которые изначально были присущи школе «Анналов» и которые остаются в силе сегодня. История должна быть наукой полидисциплинарной, синтезирующей методы и выводы географии, экономики, социологии, лингвистики, психологии, этнографии, антропологии.

«...Наша первейшая задача состоит в том, чтобы прислушиваться к советам со стороны. Быть в курсе чужих достижений...» (Л. Февр). «Ни в одной науке пассивное наблюдение не было плодотворным» (М. Блок).

Наконец, еще один, вероятно, важнейший принцип «новой исторической науки», сформулированный М. Блоком: «Что же происходит всякий раз, когда, по-видимому, требуется вмешательство истории? — Появление человеческого». Известное уподобление историка «сказочному людоеду», знающему, что его добыча там, «где пахнет человечиною», как нельзя лучше отражает исходный смысл того поворота, который пытаются совершить сторонники «новой исторической науки». Предмет истории — человек,

и потому сама история должна сделать мужественный шаг, чтобы стать антропологической, или, быть может, заявить о себе как об исторической антропологии (Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич, Ж. Дюби). Искомая тотальность глобальной истории может быть реализована, полагают они, лишь через познание действующего человека — носителя цивилизации и ее порождения.

Попытаемся вычленить некоторые характерные черты видения истории, присущие историкам «новой исторической науки».

Во-первых, признание и обоснование эффективности системного анализа общества. Социальное целое есть сложная система, распадающаяся при логическом рассмотрении на множество подсистем, внутренне единых и взаимодействующих между собой.

Во-вторых, внимание к объективным процессам, происходящим на разных уровнях социального целого в различных временных потоках, включенных в «большую длительность» существования непрерывных и преемственных структур.

В-третьих, отрицание детерминизма и понимание истории как сложного функционального взаимодействия многих систем, процессов и компонентов исторической реальности прошлого.

В-четвертых, подчеркнутое осуждение «событийной истории», констатация невозможности «увидеть» действительность прошлого сквозь призму в хронологической последовательности расположенных событий истории. «Видимая действительность заменяется реконструированной реальностью» (В. Вжозек), в пределах которой вычленяются не события, но объективные системы и процессы (включая ментальность).

В-пятых, выдвижение концепции «тотальной», или «глобальной», истории, синтезирующей структуры, процессы, их взаимодействия в единую целостность исторической реальности.

Достижения «новой исторической науки» впечатляют: разрабатываются проблемы, ранее даже не встававшие перед историками, поднимаются целые пласты, скрытые от взгляда исследователя. Написаны история смерти, история климата, история представлений о времени и пространстве, история детства, история отношения к женщине, история семьи и брака. История приобрела новую глубину и целостность, очевидными стали мно-

гослойность исторической реальности и многозначность разнотекущих потоков времени. Существенно модифицирован сам предмет исторической науки.

Многое открыв и на многие вопросы ответив, школа «Анналов» и «новая историческая наука» поставили еще больше проблем, далеких от разрешения. «Тотальная» история остается идеальной целью; синтезировать в целостность исторической реальности все ее уровни, системы и компоненты пока не удастся. Она скорее распадается на отдельные аспекты и фрагменты, чем предстает действительным, значимым единством. Синтеза микроистории (истории локальных вариантов развития, о которых сегодня известно неизмеримо больше, чем несколько десятилетий назад, отдельных социальных систем) в макроисторическую концепцию, выявляющую общие черты и направления движений всемирной истории, пока не получилось.

Отказ от «событийной истории», переключив внимание на объективные структуры и процессы, создал тип «социально и ментально обезличенного «массового человека», целиком и полностью сформированного временем, а не формирующего историческое время» (М. А. Барг).

Концепция «большой длительности», бесспорно, выдающееся открытие «новой исторической науки», не может быть механически соединена с линейными представлениями о движении исторического времени и самой истории, но вне этих представлений история оказывается и вне времени. Болезненным, наконец, представляется вопрос о соотношении «реальной действительности» прошлого и «реконструируемой действительности», возникающей в процессе исторического исследования.

Повторим, эти проблемы далеки от разрешения. Часто акцентируемые критиками и оппонентами, они активно обсуждаются сторонниками данных исследовательских подходов. Восстановление в правах исторического события и событийности истории, возрождение интереса к изучению конкретных исторических личностей, интенсивные поиски ответов на вопрос о связи субъективной деятельности людей и объективных процессов — таковы некоторые тенденции нынешнего этапа развития и школы «Анналов», и «новой исторической науки».

Быть может, в спорах и столкновениях создается «стартовая площадка для новой историографии XXI века?» (Л. П. Репина).

Цивилизационный подход к исследованию истории.

Какое место на этой стартовой площадке займет конструкция, возводимая усилиями сторонников «цивилизационного подхода» к объяснению и анализу исторического процесса, интенсивно разрабатываемого в отечественной историографии в последние годы?

Уместен ли, впрочем, столь категоричный вопрос в отношении концепции, находящейся в состоянии становления и далекой от завершения? Концепции, в рамках которой, по авторитетному мнению ее наиболее энергичных сторонников, «не существует и намека на консенсус» по принципиальным проблемам ее общей теории.

Корректнее и точнее, пожалуй, будут другие вопросы: чем объясняется необходимость разработки цивилизационного подхода? Какие перспективы познания исторического процесса он открывает? В чем его новизна?

Идея цивилизационного анализа, бесспорно, возникла в отечественной историографии не случайно. С одной стороны, она порождена кризисом догматизированной формационной теории как универсального принципа объяснения истории в целом (М.А. Барг, Л.И. Новикова). С другой стороны, усилиями в первую очередь историков школы «Анналов» были открыты новые пласты исторической реальности, теоретическое осмысление которых требует выработки иных способов анализа и объяснения исторического прошлого. Центр тяжести переместился с изучения объективных процессов общественного развития на его субъективную сторону, на человеческую деятельность. Между тем, по мнению сторонников цивилизационного подхода, именно проблема «человеческой субъективности» в теоретических построениях «новой исторической науки» не находит убедительного разрешения (М.А. Барг). Введение категории «цивилизация» и ее разработка должны, по их убеждению, связать воедино объективные и субъективные факторы движения истории. При этом цивилизационный подход многими его сторонниками рассматривается не как антитеза подходу формационному, а как попытка их взаимного дополнения и синтеза. Если применение категории «формация» позволяет глубоко проникнуть в мир производственных отношений, собственности, механизмы социальной борьбы, то взгляд на общество сквозь призму цивилизационного анализа должен привести к успеху в исследовании истории культуры, социальной психологии, ментальности, этнических процессов.

Формационный анализ воссоздает человеческое общество на высоком уровне абстрактно-теоретического обобщения — уровне объективных закономерностей и связей. Цивилизационный подход направлен на исследование общества во всем многообразии проявлений его жизни и существования — многообразии действия субъективных факторов его развития.

Таков, в самом сжатом и беглом изложении, замысел. Его реализация — дело огромной сложности. Каждый новый шаг в разработке теории цивилизационного анализа — это поиск ответов на вопросы принципиального значения. Что же все-таки понимать под цивилизацией? (О многозначности этого понятия подробно говорилось выше.) Как соотносятся понятия формации и цивилизации? Взаимодополнимы ли в принципе формационный и цивилизационный взгляды на исторический процесс? Допустима ли характеристика цивилизаций как стадий исторического развития? Возможно ли применение в цивилизационном анализе традиционных категорий исторического закона и исторической закономерности? Как соотносятся многообразие цивилизаций и попытки их типологического анализа? Не исключает ли сам факт многообразия цивилизаций возможность их сравнительного изучения? Какова структура цивилизации? Не является ли, наконец, категория цивилизации настолько широкой и неопределенной, что не создает необходимых предпосылок для научного объяснения исторического процесса?

Вопросы, от которых не уйти: за многими из них — сомнения в эффективности, познавательной ценности цивилизационного анализа. Что это? Признак слабости концепции? Конечно, нет. Доказательство ее новизны? Безусловно. Стимул к углублению анализа теоретических начал концепции? В первую очередь так.

Вернемся к эпиграфу: «Мы основали Нарнию... Теперь наше дело ее беречь... Миру этому пять часов отроду, но в него уже проникло зло».

Вряд ли историк должен воспринимать эти слова как указание к действию. Любая теория, предлагающая принципиальные подходы к объяснению исторического процесса, сколь бы сильной и логичной она ни была, не может претендовать на статус единственно верной. В конце концов «экономическая интерпретация американской конституции никоим образом не дезавуирует результатов ее изучения с политических, идеологических или институ-

циональных позиций. Она просто добавляет к ним новое измерение» (Ч. Берд).

Сомнения, дискуссии, обнаружение слабых мест, уязвимость на пределы применимости — не «зло», от которого нужно «беречь» непорочную девственность теории. Историческая действительность слишком сложна, смысл истории слишком многозначен, чтобы, не создавая иллюзий, надеяться на появление когда-либо «абсолютной теории», «теории теорий», тьму обращающей в свет.

Истина есть не что иное, как движение к ней. «Презирать то, что мы не можем постигнуть,—опасная смелость, чреватая неприятными последствиями... Сколь многое еще вчера было для нас нерушимыми догматами, а сегодня воспринимается нами как басни!» (М. Монтень). Будем помнить об этом.